

Статья/Original article

УДК 303.446.4 (93)

DOI 10.18413/2312-3044-2023-10-4-459-473

«Бабушкин праздник»: Рождество в провинциальной России 1950 – 1960-х гг.

А.В. Апанасенок

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр., 51/21, Россия
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена истории празднования православного Рождества в российской провинции послевоенных десятилетий. Опираясь на материалы Совета по делам Русской православной церкви, а также данные устной истории, автор исследует масштабы вовлеченности советских граждан в рождественские богослужebные практики, изучает социальный состав неравнодушных к празднику людей, анализирует особенности «домашнего» празднования Рождества. В статье показана важная роль пожилых женщин – «бабушек» в ретрансляции семейных рождественских традиций.

Ключевые слова: СССР, праздник Рождества, православие, конфессиональные традиции, советский быт, Новый год.

Для цитирования: Апанасенок А.В. 2023. «Бабушкин праздник»: Рождество в провинциальной России 1950 – 1960-х гг. Tractus Aevorum. 10 (4): 459–473. DOI: 10.18413/2312-3044-2023-10-4-459–473.

Copyright: © 2023 Апанасенок А.В. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

"Grandmother's Holy Day": Christmas in Provincial Russia of the 1950s – 1960s

Aleksandr V. Apanasenok

Institute of Scientific Information for
Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the history of the Orthodox Christmas celebration in the Russian province of the post-war decades. Relying on the materials of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church as well as oral history data, the author examines the extent of Soviet citizens involvement in Christmas liturgical practices. Article also investigates the social composition of people who are not indifferent to the holiday, analyzes the features of the celebration of Christmas "at home". The study shows the important role of elderly women – "grandmothers" in relaying family Christmas traditions.

Keywords: USSR, Christmas holiday, Orthodoxy, confessional traditions, Soviet life, New Year.

For citation: Apanasenok A.V. "Grandmother's Holy day": Christmas in Provincial Russia of the 1950s – 1960s. Tractus Aevorum. 10 (4): 459–473. DOI: 10.18413/2312-3044-2023-10-4-459–473.

Введение

«Новый год плавно переходил в празднование всех январских христианских праздников вплоть до Крещения Господня. На Рождество готовился праздничный стол, и кто-нибудь из бабушек читал "Отче наш", а затем все слушал рассказы с хорошими примерами из жизни старших поколений ...».

Не будь в приведенных строках упоминания о Новом годе как празднике, предшествующем Рождеству, можно было бы подумать, что речь идет о жизни дореволюционной России – воображение рисует картину жизни большой патриархальной семьи, неукоснительно соблюдающей церковные традиции. Однако, цитата взята из рассказа уроженца Беловского района Курской области, чье раннее детство пришлось на время хрущевской антирелигиозной кампании. Церковь в родном селе Сергея Кузьмича (так зовут рассказчика) была закрыта и использо-

валась местным колхозом в качестве продовольственного склада, священника здесь, соответственно, тоже не было. Однако, обычай отмечать важнейшие православные праздники держался стойко.

А вот фрагмент воспоминаний уроженки поселка Чернянка Белгородской области: *«Люди ходили по домам, поздравляли друг друга с Рождеством. Много было фольклорных песен, колядок, но в начале всегда пели о рождении Христа. Соблюдали обычаи все жители поселка, включая партийное и советское руководство, все принимали “колядовщиков”, старались поститься в день 6 января, “до звезды”». Речь здесь идет о периоде «развитого социализма», то есть времени, когда воспитанных в досоветской России людей оставалось уже немного. Тем не менее, традиция празднования Рождества в небольшом поселке на юго-западе России к этому моменту не умерла.*

Насколько рассказы такого рода репрезентативны с точки зрения оценки распространения в послевоенном СССР православных праздничных традиций вообще и обычая праздновать Рождество в частности? Ведь общеизвестно, что религиозные «пережитки» в советском обществе были обречены (по крайней мере теоретически) на отмирание, а советские идеологические работники регулярно заявляли о близкой победе над ними. Вот что, например, в 1956 г. говорила специализированная брошюра, подготовленная представителями общества «Знание» и посвященная истории складывания, а также актуальному на тот момент состоянию христианских (православных) праздничных традиций. *«Сознательные советские граждане с презрением отбрасывают все религиозные праздники и обряды как пережиток проклятого прошлого, как наследие рабства и невежества ... – отмечается в издании. – У советских людей есть свои, новые, революционные праздники, посвященные не сказочным событиям и мифам, а борьбе трудящихся за свое социальное освобождение. ... Это – праздники свободы и радости, праздники, связанные с борьбой за освобождение от гнета эксплуататоров и иноземных поработителей. Это – праздники победы трудового народа над силами реакции и тьмы»*¹. Разумеется, как приведенный фрагмент, так и содержание брошюры в целом не оставляет сомнений в ее идеологической выдержанности. Однако это не отменяет вопроса: в какой степени утверждения советского автора, а также многих его коллег-атеистов, помещавших в свои тексты и выступления схожие тезисы², отражали реальное отношение населения традиционно-православных регионов СССР к конфессионально ориентированной праздничной культуре? Насколько значительной была та часть населения страны, которая продолжала отмечать важнейшие даты православного календаря? Насколько практики празднования соответствовали дореволюционным?

---

¹ Щуцкий 1956, 29.

² См., напр.: Худяков 1951; Крывелев 1961, Тепляков 1967.

Думается, что сформулированные выше вопросы довольно важны для понимания особенностей духовной жизни граждан СССР и объективного отражения последней в научных работах. В данной статье автор стремится приблизиться к ответам на них, исследуя историю празднования православного Рождества провинциальными жителями советской России в 1950 – 1960-е гг.

Предмет и методология исследования

В предметном поле данной работы оказались традиции и практики, связанные с празднованием Рождества в провинциальном советском социуме послевоенных десятилетий. Для их изучения автором использовались, с одной стороны, архивные материалы, с другой – данные полевых исследований. В первом случае речь идет о документах сотрудников Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религий при Совете Министров СССР, которые собирали информацию о приобщенности граждан к тем или иным религиозным традициям и в частности – аккумулировали сведения об их участии в праздничных богослужениях. Основная часть документов связана с историей Курской области 1950–1960-х гг. – традиционно-православного региона с относительно большим (по меркам советской России середины XX в.) количеством действовавших православных церквей³. Наличие последних в рассматриваемый период позволяло верующим поддерживать традиции канонического празднования Рождества и сделала регион подходящей моделью для исследователя.

Вторую группу источников составили материалы анкетирования пожилых граждан Российской Федерации (в прошлом – граждан СССР), в настоящее время проживающих на территории Курской, Белгородской и Орловской областей (две последние – также традиционно-православные регионы). В 2021 г. автором с помощью коллег была составлена анкета на тему «Православные традиции в СССР», которую в течение года заполнили 144 человека (возрастной диапазон этой группы составил от 52 до 88 лет, при этом основная часть – люди старше 65 лет). Условием их включения в процесс анкетирования выступила приобщенность (в том числе символическая) к церковной жизни, поскольку только наличие какого-то опыта в соответствующей сфере дает возможность рассуждать о месте православной культуры в структуре советского бытия. В анкете было 20 вопросов. Первые семь имели формальный характер, ответы на них были призваны сформировать социальный портрет опрашиваемого (год и место рождения, место проживания в советское время, профессии родителей, полученное образование, род деятельности в исследуемый период, членство в КПСС). Последующие вопросы были направлены на то, чтобы выяснить, насколько активно тот или иной человек участвовал в гражданских советских и религиозных ритуалах, насколько был вовлечен в обусловленные право-

³ См.: Дудина, Апанасенок 2017, 97-98.

славным календарем действия, а также каким образом себя идентифицировал. Среди них присутствовал вопрос «Праздновали ли в Вашей семье Рождество? Если да, то как именно?», анализ ответов на который дал возможность составить представление о бытовании соответствующих традиций в частной жизни «обычных» советских граждан, чье детство или молодость пришлось на 1950 – 1960-е гг. Анкета не предусматривала обязательной идентификации (что было связано со стремлением получить как можно более искренние ответы), заполнявшие ее люди могли написать в первой строчке свои фамилию, имя и отчество полностью, могли ограничиться просто инициалами (впрочем, подавляющее большинство не стало пользоваться возможностью остаться анонимным).

В ходе интерпретации источников автором применялись методы индукции и сравнения, а также историко-статистический метод.

Результаты и их обсуждение

Масштабы празднования Рождества в зеркале документов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви

В 1943 г. в СССР при Совете Министров был создан Совет по делам Русской православной церкви (СД РПЦ). Основной его функцией считался контроль за соблюдением законности в сфере государственно-церковных и общественно-церковных взаимоотношений, однако были у этого органа и другие задачи. В частности, представителям СД РПЦ вменялся в обязанность сбор сведений о жизни православных приходов, в том числе о посещаемости богослужений, организации праздников, прочих формах вероисповедной активности граждан. Местные уполномоченные Совета регулярно посещали храмы, общались с клиром, наблюдали за особенностями приходской жизни, а затем отражали в рапортах (служебных записках, отчетах и т.п.) на имя вышестоящего руководства результаты своих наблюдений. Естественно, документы такого рода часто составлялись довольно формально, отражая какие-либо внешние стороны церковного бытия. Тем не менее, их изучение дает возможность составить примерное представление о масштабах и формах публичных церковных действий, в том числе тех, что были связаны с празднованием Рождества.

Содержание ранних материалов СД РПЦ убеждает, что, несмотря на активные антирелигиозные кампании предшествующих десятилетий и сплошное закрытие церквей в 1930-е гг., стремление к посещению богослужений на Рождество (как, впрочем, и другие большие православные праздники) в 1940-е гг. носило массовый характер и проявляло себя постольку, поскольку в тех или иных населенных пунктах открывались ранее закрытые приходы. Так, в докладах и письмах руководителей Совета правительству и ЦК ВКП (б), обобщающих наблю-

дения 1944–1945 гг. из разных регионов СССР⁴, а также в подборке информационных отчетов за 1945–1946 гг.⁵ часто говорится о переполненных храмах во время рождественских служб, а также участии в этих службах представителей самых разных социальных групп – не только крестьян, домохозяек и пенсионеров (на участие которых в религиозных обрядах советская власть обычно смотрела спокойно), но и рабочих городских предприятий, студентов, курсантов военных училищ, военнослужащих, педагогов и даже представителей местных администраций. Как впоследствии (в 1951 г.) писал уполномоченный СД РПЦ по Курской области, «в этот период обстановка исключительно благоприятствовала церковникам для широкого распространения своего влияния среди населения», при этом инструментом такого распространения он называл активное привлечение граждан к празднованию важных дат церковного календаря⁶. Соответственно, никто не удивлялся тому факту, что среди посетителей рождественских служб было «много интеллигенции, служащих, молодежи, а среди них много мужчин»⁷.

Можно ли считать «переполненность» церквей на Рождество явлением, характерным только для времени «церковного ренессанса» военных и первых послевоенных лет? Материалы того же СД РПЦ свидетельствуют, что нет. Вот, например, интересное описание посещения жителями г. Курска местного кафедрального собора 7 января 1954 г., подготовленное курским уполномоченным СД РПЦ для вышестоящих инстанций: *«В Рождество 7 января текущего года в соборе на ранней службе, начинающейся в 4 часа утра, было более 400 человек, почти исключительно одни женщины, в подавляющем большинстве старухи. На второй литургии в 6 часов утра в соборе было не менее 2000 человек, тоже преимущественно женщины, но уже среди них значительное число средних возрастов, много интеллигентных людей и молодежи. По первоначальному предположению эта служба должна была быть без участия епископа. Но по просьбе церковного "актива" и некоторых верующих, епископ служил именно литургию, начинающуюся в 6 часов утра, "чтобы дать возможность верующим из числа служащих присутствовать на ней". На третьей литургии, после 9 часов утра, в соборе было до 1500 человек, преимущественно женщин, довольно много молодых, но подростков и детей уже меньше. В остальных церквях в городе число посетителей было, примерно то же, что и в прошлом году. В этот день, как и вообще в большие праздники, много исповедующихся и причащающихся – от 50 до 100 чел. в каждой*

---

⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 29, 30.

⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63.

⁶ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-5027, Оп. 2, Д.8. Л. 62.

⁷ Там же. Л. 64.

большой церкви, в том числе есть и дети, которых к исповеди ведут матери и бабушки»⁸.

Из приведенного фрагмента следует, что только один собор (а в Курске кроме него на тот момент было еще восемь действующих церквей) на Рождество посетило около 4 тыс. человек, в том числе «интеллигентные люди», служащие, молодежь. Чтобы представить, какую долю составляли посетители рождественских служб от всего населения провинциального города, можно взять чуть более поздний документ, в котором есть более полная статистика – рапорт уполномоченного СД РПЦ «О посещениях “Рождественских служб” в 1957 году». В Курске, где в 1956 г. насчитывалось 179 тыс. жителей⁹, в рождественский сочельник (то есть 6 января) 1957 г. на утренние службы пришло 3 тыс. человек, на вечерние – 6–7 тыс.¹⁰ На утренних службах 7 января наблюдатели насчитали более 8 600 человек в восьми из девяти действовавших церквей, на вечерних 1200 – 1300 в пяти церквях (неполнота данных подчеркивается автором сводки). На второй день празднования Рождества (т.е. 8 января) утренние службы посетило более 7 тыс. граждан¹¹. Таким образом, согласно приведенной статистике за три дня в советском провинциальном городе средних размеров было «учтено» 26–27 тыс. участников рождественских богослужений, то есть около 15% всего его населения¹². Конечно, некоторые верующие граждане за эти три дня могли посетить не одно богослужение, что надо учитывать при определении вышеуказанной доли. Но, с другой стороны, сам уполномоченный СД РПЦ признавал неполноту своих количественных данных.

Интересно отметить, что начало хрущевской антирелигиозной кампании¹³ не привело к явному снижению количества желающих поехать на праздничные рождественские службы. В частности, спустя три года тот же функционер писал председателю СД РПЦ, что на утренних службах 7 января 1960 г. в Курске присутствовало 9600 человек (против 8700 в 1957 г.)¹⁴. По утверждению автора рапорта, было настолько тесно, «что ввиду этого даже не производился тарелочный сбор»¹⁵. Последующие попытки властей преодолеть стремление конфес-

⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 3. Л. 78–79.

⁹ Народное хозяйство СССР в 1956 г. (Статистический сборник), 1956, 25.

¹⁰ В донесении говорится, что вечером 6 января наблюдение велось в шести храмах из девяти действовавших на тот момент, количество посетителей служб в этих шести церквях составило более пяти тысяч человек. См.: ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 23–24.

¹² Среди участников праздничных богослужений встречались и специально приехавшие сельские жители, однако, по утверждению уполномоченного, в очень малом количестве. См. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 23.

¹³ Эта кампания началась осенью 1958 г. и продолжалась вплоть до отставки Н.С. Хрущева в 1964 г.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 22. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

сионально-ориентированных граждан посещать храмы в дни церковных праздников вообще и на Рождество в частности также не дали большого эффекта. Например, в 1965 г. секретарь исполкома Ленинского районного совета г. Курска, указывая в служебной записке секретарю исполкома местного облсовета на некоторые успехи антирелигиозной пропаганды (выразившиеся в уменьшении количества молодежи на рядовых церковных службах), признавал, что церкви «переполнены в праздничные дни»¹⁶.

Переполненными на Рождество оказывались и сельские храмы (молитвенные дома). Судя по данным курских уполномоченных, порой посещавших расположенные неподалеку от города села и поселки, количество участников рождественских служб неизменно измерялось сотнями и зависело, по всей видимости, от вместимости зданий¹⁷.

Кого и что можно было увидеть в храмах на Рождество?

Кто ходил на рождественские богослужения? Отчасти ответ на этот вопрос можно найти в уже приведенном фрагменте документа 1954 г. В нем и других материалах СД РПЦ можно встречаются упоминания практически всех социально-профессиональных и половозрастных категорий советских граждан, но при этом неизменно подчеркивается, что подавляющее большинство посетителей праздничных служб – женщины. Вот что говорится в справке о рождественских праздниках 1957 г.: *«Большинство молящихся – женщины, в том числе и молодежи. Мужчин примерно 5 – 10% от общего числа. Присутствие на службах молодежи и детей отмечено на ранних в соборе, В Михайловской, Николаевской, Введенской, Успенской и Троицкой церквях. В Успенской церкви, в зимней половине, было около 40 человек детей и подростков. В 5 часов утра на службу в собор пришли более десяти 17-18-летних девушек, по-видимому учащихся, так как все они были с небольшими чемоданчиками в руках»*¹⁸. Характеристика социального состава присутствовавших на службах 1960 г. выглядит схожим образом. Здесь говорилось: *«подавляющая масса – это женщины разных возрастов, среди которых довольно много молодых и средних возрастов, мужчин 3–5% от общего числа. Везде отмечено присутствие подростков и детей ... В Троицкую церковь приходил молодой человек с девушкой, по-видимому, студенты. В собор приходили две девушки с небольшими чемоданчиками в руках, тоже, видимо студентки. Там же отмечена пожилая женщина с тремя девочками 10–14 лет, хорошо одетая молодая женщина с двумя девочками 10–12 лет, женщина средних лет с девочкой 14 лет и др.»*¹⁹.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 67. Л. 57-58.

¹⁷ См., напр.: ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 10. Л. 12.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 23.

¹⁹ Там же. Д. 22. Л. 4.

Присутствие в православных храмах на Рождество (как, впрочем, на Крещение, Пасху и другие важнейшие религиозные праздники) значительного количества молодежи и детей вызывало особое неудовольствие партийных функционеров, в связи с чем во время хрущевской антирелигиозной кампании был предпринят ряд мер для ограничения доступа на церковную территорию нового поколения советских граждан. Нормой стали «комсомольские кордоны» при входе в храм, призванные отговаривать молодых людей (либо родителей с детьми) от посещения богослужения (на практике чаще всего участники таких кордонов просто не пускали в церкви людей моложе определенного возраста). В качестве альтернативы походу в храм с 1963 г. в советских школах и училищах во время православных праздников начали системно организовывать массовые внеурочные мероприятия²⁰.

Говоря о социальном составе тех, кто так или иначе присутствовал в церквях или около них во время рождественских богослужений, уполномоченные СД РПЦ обычно называли просивших милостыню нищих. Как известно, наличие в стране этой категории в послесталинский период власти стремились скрывать. Открытое «попрошайничество» чаще всего заканчивалось доставкой в отделение милиции, однако в рождественское время на церковной территории оно, очевидно, допускалось. «Везде в притворах церквей нищие», – писал в 1957 г. курский уполномоченный СД РПЦ, не указывая конкретных цифр²¹. В 1960 г. он же вместе с сотрудниками насчитал таковых не менее 60 человек по всем девяти курским церквям²². Еще одной «вольностью», которая процветала на Рождество, была мелкая частная торговля. Около церквей продавались крестики, украшения и даже иконы кустарного изготовления²³.

Фоном праздничных служб, как правило, выступали рождественские елки, «реабилитированные» еще во второй половине тридцатых годов и теперь устанавливавшиеся в центральных частях православных храмов. *«Во всех церквях было много электрического света ... в Николаевской и Введенской церкви было по две-три елки, да в соборе, в верхней церкви у алтаря поставлены 3 большие елки, иллюминированные разноцветными электролампочками»*, – отмечал курский наблюдатель в 1957 г.²⁴. Богослужения, как правило, сопровождалось чтением рождественских посланий патриарха и местного епископа, а также проповедями²⁵. Судя по аналитическому обзору, подготовленному аппаратом Совета по делам религий²⁶ на основании рапортов из разных регионов СССР в 1967 г., главной темой рождественских про-

²⁰ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 47. Л. 35.

²¹ Там же. Д. 13. Л. 24.

²² Там же. Д. 22. Л. 4.

²³ Там же. Д. 13. Л. 24.

²⁴ Там же. Л. 23.

²⁵ Там же.

поведей чаще всего выступала необходимость борьбы за мир²⁷. Последняя, будучи по определению близкой христианству и духу Рождества, выглядела идеологически безопасной и при этом политически важной с точки зрения советской власти²⁸. Как следствие, проблем с организацией таких проповедей у священников обычно не возникало.

Разумеется, попасть в православный храм на Рождество в 1950 – 1960-е гг. могло лишь явное меньшинство советских граждан. Далеко не каждый областной центр в России/СССР располагал девятью действующими церквями, как Курск, а жители поселков и сел часто вообще не имели никаких храмов поблизости. Кроме того, посещать богослужения, проявляя таким образом «несознательность» (с точки зрения партии), многим не позволял социально-профессиональный статус. Значило ли это, что круг людей, так или иначе отмечавших второй по значимости христианский праздник, в лучшем случае ограничивался в российской провинции условными 15% от общей массы населения? Нет, поскольку Рождество традиционно имело «домашнее измерение», отмечали его не только и не столько публично, сколько в кругу семьи.

*Празднование Рождества
в воспоминаниях бывших советских граждан*

Нет сомнений, что в редуцированном виде рождественские традиции отразились на жизни подавляющего большинства советских семей послевоенного периода. Эти традиции, как известно, легли в основу празднования в СССР Нового года. Красиво украшенная елка, праздничное семейное застолье, подарки, «волшебные» истории – все эти атрибуты Рождества еще во второй половине 1930-х гг. перекочевали в новый праздник, избавленный от неприемлемого для советской власти религиозного смысла²⁹. Святочные рассказы, традиционно сопровождавшие Рождество в Российской империи, в советское время постепенно эволюционировали в жанр новогодних рассказов и сказок, при этом их авторы старались сохранить атмосферу волшебства, предчувствия чуда, а также подчеркнуть непреходящую роль семейных и нравственных ценностей. Дух Нового года как «чудесного» праздника воссоздан в произведениях Аркадия Гайдара, Николая Носова, Виктора Драгунского и других детских писателей, популярных в Советском Союзе. Получить некоторое представление о «классическом» дореволюционном Рождестве обычный гражданин мог из классической же русской литературы или, например, фильма Александра Роу «Вечера на хуторе близ Диканьки», снятого в 1961 г. по мотивам одноименного

---

²⁶ Орган, в 1965 г. сменивший Совет по делам Русской православной церкви в результате слияния последнего с Советом по делам религиозных культов.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152.

²⁸ Подробнее см.: Советская идентичность ... 2022, 212-216.

²⁹ Подробнее см.: Гурьянов, Шатило 2019, 51-57.

произведения Николая Гоголя. Но какая же все-таки часть граждан отмечала православное Рождество в пятидесятые-шестидесятые годы?

Ответить на этот вопрос (конечно, весьма приблизительно) помогают данные опроса, проведенного автором статьи совместно с коллегами в 2021 г. в формате анкетирования и интервьюирования. Общее впечатление, которое осталось после обработки полученных данных – православный календарь в обществе «зрелого социализма» не был настолько забыт, как это порой принято думать. Большинство опрошенных (как правило, люди старше шестидесяти пяти) нашло что вспомнить по этому поводу. Так, из 144 респондентов, заполнивших нашу анкету, более-менее развернутые ответы относительно празднования важных дат православного календаря в советское время дали 88 человек (61%). В других анкетах можно прочесть лаконичные ремарки о том, что церковные праздники отмечались не целыми семьями, а лишь их старшими членами (чаще всего бабушками), что «открыто отмечать было опасно» либо «не принято». Учитывая, что для анкетирования были выбраны в основном православно ориентированные люди, хотя бы в небольшой степени вовлеченные в конфессиональные практики, полученные результаты (в первую очередь соотношение отмечавших и не отмечавших церковные праздники семей) нельзя считать вполне репрезентативными для советского социума в целом (например, среди заполнивших анкету не было последовательных атеистов). Скорее, собранные данные отражают сам факт сохранения значимости православного календаря для повседневной жизни значительной части советских людей, а также характеризуют многообразие подходов к его восприятию.

Судя по ответам представителей старшего поколения нынешних российских граждан, Рождество оставалось вторым по значимости (после Пасхи) православным праздником для тех, кто даже в советских реалиях оказался не готов расстаться с конфессиональными традициями. В качестве более или менее значимой для семьи даты этот религиозный праздник упомянули в своих анкетах 36% опрошенных, большинство из которых проживало в детские и молодые годы в сельской местности (при этом походы в церковь на Рождество упомянуло менее половины из них). Анализ воспоминаний говорит о высокой степени слияния православных и «народных» традиций, присутствии заметного пласта унаследованных с древнейших времен языческих элементов³⁰. Последние проявлялись в ряжении, колядовании, гадании, соответствующие традиции упоминаются более чем в половине случаев: *«Соблюдали родители пост, посещали церковь. Готовили много вкусно, было много гостей всегда. Ходили-колядовали, гадала молодежь»*³¹, *«Да, праздновали, приходили гости, накрывали стол, ходили*

---

³⁰ См.: Кравченко 2021, 20-24.

³¹ Анкета Н.Н. Агеевой, 1959 г.р. // Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности», 2021 (анкетирование). Далее - АП СИПР, 2021 (а).

колядовали, гадали, писали записки»³², «Да, праздновали. Накануне Рождества ходили колядовать. Посещали церковь, дарили подарки и собирались всей семьей на праздничный обед»³³, «В Сочельник до “первой звезды” не ели. А потом были Святки, колядовали. В святом углу всегда зажигали лампадку»³⁴.

Практически все, кто дал положительный ответ относительно празднования Рождества в своей семье, указали на праздничное застолье. Большинство при этом вспомнило бабушек в качестве главных хранительниц обычая. Вот характерные выдержки из анкет: «Праздновали. Бабушка пекла к празднику очень вкусные куличики и другие сладости»³⁵, «Родители не праздновали. А вот бабушка праздновала всегда. Готовила много еды вкусной, елка всегда была. И ждала гостей»³⁶, «Праздновали, разговлялись, очень много было вкусных блюд»³⁷, «Праздновали конечно, ходили в церковь, посещали службы, приезжали в деревню к бабушкам и дедушкам»³⁸, «Взрослые готовили праздничный стол, вкусности и сладости. Дети готовили колядки, рядились и шли колядовать»³⁹, «Да, на Рождество бабушка делала рождественского гуся с яблоками, и, конечно же много сладостей»⁴⁰. В одной из анкет Рождество прямо названо «бабушкиным праздником»: «Мы с родителями отмечали прежде всего Новый год. Про Рождество знали, но думали, что это бабушкин праздник. Она его считала важнее Нового года. Я гораздо позднее поняла, почему»⁴¹.

Чтение анкет выходцев из деревень, сел и поселков убеждает, что в дни после Рождества и до Крещения (то есть на Святки) в сельской местности сохранялась праздничная атмосфера, предполагавшая хождения в гости, встречи с родственниками. Пятеро респондентов подчеркнули неформальный «запрет» на работы во время Рождества, который в последующие дни трансформировался в смягченную установку «больше отдохнуть».

Заключение

Итак, на пороге «развитого социализма» и особенно в период до хрущевской антирелигиозной кампании Рождество Христово не было праздником, забытым в провинциальной советской России. Нельзя, конечно, сравнивать рождественские реалии Российской империи и

---

³² Анкета С.А. Седых, 1951 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³³ Анкета Е.С. Каменевой, 1936 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³⁴ Анкета И.В. Цыганкова, 1942 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³⁵ Анкета Ю.М. Бубнова, 1942 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³⁶ Анкета Г.А. Гримовой, 1939 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³⁷ Анкета Валентины Васильевны П, 1950 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³⁸ Анкета Юрия П. И., 1954 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

³⁹ Анкета Л.В. Ефремовой, 1959 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

⁴⁰ Анкета А.Н. Крузиной, 1960 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

⁴¹ Анкета В.Д. Кутеповой, 1952 г.р. // АП СИПР, 2021 (а).

СССР из-за принципиально разнящегося социально-политического/культурного фона, однако столь же неправильно было бы говорить и об исчезновении соответствующих традиций из жизни советских граждан.

Образ «идеального» советского гражданина, конечно, не предполагал походов в церковь. Однако одна шестая – одна седьмая часть жителей российского провинциального города, по меркам середины XX в. неплохо обеспеченного православными храмами (каким был, например, Курск) вполне могла прийти на рождественские богослужения 6–8 января. Среди участников этих богослужений можно было встретить представителей разных социальных и возрастных категорий, в том числе студентов и школьников. Наблюдавшийся на службах социальный дисбаланс определялся не столько возрастными или профессиональными характеристиками их участников, сколько явным количественным преобладанием женщин над мужчинами.

Женщины, чаще всего пожилые, обеспечивали и ретрансляцию традиций Рождества как семейного праздника, который принято отмечать в кругу близких. Отсутствие у многих граждан возможности посещать церковь привело к распространению в российской провинции практики небольшого домашнего торжества, на котором «священнодействовала» бабушка. Впрочем, небольшое семейное действо вполне могло увеличиваться в масштабах за счет обращения к древним языческим ритуалам колядования и гадания, в которые вовлекались друзья, соседи, в деревне – односельчане. В сельской местности пятидесятых – шестидесятых годов, судя по воспоминаниям старшего поколения россиян, Рождество и Святки с точки зрения внешнего антуража все еще напоминали праздники, описанные когда-то Пушкиным и Гоголем.

Библиография

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027 – Уполномоченный совета по делам Русской православной церкви по Курской области.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.
- Гурьянов, К.В., Шатило, Я.С. 2019. Новый год и елка: становление современных традиций. *Базис* 2(6): 49–63.
- Дудина, И.С., Апанасенок, А.В. 2017. *Традиционная конфессиональная культура Курского края в условиях советской модернизации: 1917–1964 гг.* Курск: РОСИ.
- Кравченко, С.А. 2021. Православные праздники в жизни советской семьи в 1960 – 1970-е гг. (по воспоминаниям жителей центральной России). *Провинциальные научные записки* 2: 19–25.
- Крывелев, И.А. 1961. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР. *Советская этнография* 4: 30–44.
- Народное хозяйство СССР в 1956 г. (Статистический сборник). Москва: Государственное статистическое издательство, 1956. 241 с.

- Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.: коллективная монография / коллектив авторов; под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022.*
- Тепляков, М.К. 1967. Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества (по материалам конкретных исследований в Воронежской области). *Вопросы научного атеизма* 4: 132-139. М.: МЫСЛЬ.
- Худяков, С.Н. 1951. *О преодолении религиозных предрассудков*. Кишинев.
- Щуцкий, С.Р. 1956. *Происхождение и сущность христианских праздников*. Минск: Знание.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991 – Sovet po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR [Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR] (In Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO) [State Archive of the Kursk Region]. F. 5027 – Upolnomochennyj Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete Ministrov SSSR [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church Under the Council of Ministers of the USSR] (In Russian).
- Gur'yanov, K.V., Shatilo, Ya.S. 2019. Novy`j god i elka: stanovlenie sovremenny`x tradicij [New Year and Christmas Tree: The Formation of Modern Traditions]. *Bazis* 2(6): 49–63. (In Russian).
- Dudina, I.S., Apanasenk, A.V. 2017. *Tradicionnaya konfessional'naya kul'tura Kurskogo kraja v usloviyax sovetskoj modernizacii: 1917–1964 gg.* [Traditional confessional Culture of the Kursk Region in the Conditions of Soviet Modernization: 1917-1964]. Kursk: ROSI. (In Russian).
- Kravchenko, S.A. 2021. Pravoslavny`e prazdniki v zhizni sovetskoj sem`i v 1960 – 1970-e gg. (po vospominaniyam zhitelej central'noj Rossii) [Orthodox Holidays in the Life of the Soviet Family in the 1960s – 1970s (According to the Memoirs of Residents of Central Russia)]. *Provincial'ny`e nauchny`e zapiski* 2: 19-25. (In Russian).
- Kry`velev, I.A. 1961. Preodolenie religiozno-by`tovy`x perezhitkov u narodov SSSR [Overcoming Religious and Everyday Survivals Among the Peoples of the USSR]. *Sovetskaya e`tnografiya* 4: 30–44. (In Russian).
- Narodnoe xozyajstvo SSSR v 1956 g. (Statisticheskij sbornik)* [The National Economy of the USSR in 1956 (Statistical Collection)]. 1956. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Sovetskaya identichnost` i problemy` religioznosti: pravoslavny`e praktiki v povesdnevnoj zhizni grazhdan SSSR v 1940-e – 1980-e gg.: kollektivnaya monografiya* [Soviet Identity and Problems of Religiosity: Orthodox Practices in the Everyday Life of USSR Citizens in the 1940s—1980s: Collective Monograph]. Ed. by A.V. Apanasenk. 2022. Kursk: Izd-vo ROSI. (In Russian).
- Tepljakov, M.K., 1967. Pobeda ateizma v razlichnyh social'nyh sloyah sovetskogo obshchestva (po materialam konkretnyh issledovanij v Voronezhskoj oblasti) [The Victory of Atheism in Various social Strata of Soviet Society (Based on the Materials of Specific Studies in the Voronezh Region)]. In:

Voprosy nauchnogo ateizma [Questions of scientific atheism]. Вып. 4. Moscow: Mysl': 132-139 (In Russian).

Hudyakov, S.N. 1951. *O preodolenii religioznyh predrassudkov [On Overcoming Religious Prejudices]*. Kishinev. (In Russian).

Shchuckij, S.R. 1956. *Proiskhozhdenie i sushchnost' hristianskih prazdnikov [The Origin and Essence of Christian Holidays]*. Minsk: Znanie. (In Russian).

Об авторе

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-4650-3730.

About the author

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-4650-3730.

Поступила в редакцию: 26.10.2023

Принята к публикации: 15.11.2023

Submitted: October 26, 2023

Accepted: November 15, 2023